

The illustration is a complex collage. In the foreground, a man in a dark quilted vest and blue jeans holds a handgun, pointing it towards the right. To his left is the front of a white police car with blue stripes. In the background, a large, intense fire consumes a car. Above the fire, a woman in a red dress and a man in a dark suit are embracing. Further up, a woman in a police uniform stands with her right arm raised. The entire scene is overlaid with a network of translucent green and yellow geometric shapes, including triangles and lines, creating a digital or futuristic aesthetic. A circular badge in the top right corner contains the text '18+'.

18+

Владислав Аксинович
Слеза Немезиды

Владислав Геннадьевич Аксинович

Слеза Немезиды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48562132

SelfPub; 2019

Аннотация

«Слеза Немезиды» – это остросюжетный детектив с элементами мистики, юмора и чуточкой мелодрамы. Наша книга – это реальное расследование сложнейших убийств, вовлекающее в свой оборот всё новых и новых лиц, в ходе которого выясняется, что нити этих изощрённых преступлений ведут в прошлое, а их истоки в очень далёком прошлом. Когда вы разгадаете тайну «Слезы Немезиды» вместе с нашими героями и выясните, наконец, кто же всё-таки убийца, это в действительности шокирует.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	47
Глава 4	72
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Немезида – богиня возмездия в древнегреческой мифологии, карающая за нарушение общественных и нравственных порядков. Имя означает «возмездие».

Глава 1

Кровавое утро четверга

Утреннюю сводку ничем не приметного майского четверга 2018 года омрачило странное происшествие на Минской кольцевой автомобильной дороге. Спеша, видимо, на работу, водитель автомобиля «Ниссан Кашкай» в районе выезда на Мядель врезался в ограждение и столб на скорости сто километров в час. Причём ехал он по второй полосе, аккуратно двигаясь к первой, подрезав парочку авто, потом, не снижая скорости, плавно переместился на обочину, ну и далее «впечатался» в столб. Примерно так рассказывали очевидцы о странном манёвре сотрудникам ГАИ, приехавшим на данное происшествие. Разумеется, шансов выжить у водителя, даже пристёгнутого, не было никаких: инспектора не нашли и намёка на тормозной путь «Кашкай». Поэтому напрашивался, казалось бы, очевидный вывод гаишников, что он уснул за рулём.

Странности начались после того, как по номеру машины определили хозяина. Она принадлежала начальнику криминальной милиции Фрунзенского РУВД города Минска подполковнику Юрию Николаевичу Овчинникову. Когда же прибывшие эмчээсовцы вырезали дверь автомобиля и извлекли труп, им оказался именно владелец авто. В ГАИ его

даже узнали. Поэтому всё это происшествие принимало с этого момента совершенно иной оттенок. На место трагедии были направлены сотрудники службы собственной безопасности при МВД Республики Беларусь и старший оперуполномоченный по особо важным делам уголовного розыска министерства майор милиции Андрей Андреевич Кротов, дежуривший в этот день от розыскников.

Андрей Кротов был очень опытным сотрудником, одним из лучших оперативников министерства. Свою службу он начинал простым опером в Ленинском РУВД, потом работал старшим опером в ГУВД и вот уже более пяти лет трудился в самом Министерстве внутренних дел. Хотя до пенсии по выслуге ему оставалось не так и много, он как никогда был в форме. Даже самые сложные дела Андрей всегда раскрывал. Руководство характеризовало его только с положительной стороны: если Кротов берётся за дело, он будет копать и копать до тех пор, пока не доведёт его до конца. Поэтому самые сложные дела всегда направляли именно ему и говорили: «Если майор Кротов это дело не потянет, его точно уже никто не раскроет». В общем, фамилия Андрея характеризовала его сполна.

Чуть добравшись до места из-за пробки на МКАД, майор увидел действительно в хлам искорёженный «Ниссан», сотрудников ДПС, изучающих место происшествия, экспертов-криминалистов МВД и карету скорой помощи, в которую уже загрузили труп подполковника Овчинникова.

– Старший оперуполномоченный майор Кротов, – представился Андрей сотрудникам ДПС.

– Майор Воронеж, «Стрела», – ответил ему старший гаишник. Лица друг друга им были знакомы, но ранее они не сталкивались.

– Что скажешь, майор? – без особых церемоний начал Кротов.

– Да странностей тут много, – задумчиво ответил коллега.

– Что-то не вяжется?

– Вот смотри, если он и уснул (хотя для сна весьма странное время и место), на кольцевой при пиковой интенсивности движения в такое время это нереально. Он проехал по обочине метров четыреста. И здесь не асфальт, это гравейка. При ста километрах в час его бы так трясло, что проснулся бы кто угодно, а он продолжал ехать, не снижая скорости, прямо в столб.

– Да, действительно странно, – ответил Андрей, осматривая обочину. – Думаешь, ему помогли врезаться в этот столб?

– Не знаю, – ещё более задумчиво ответил Воронеж, – трясло его не по-детски, а водитель даже на педаль тормоза не нажал.

– Да... непонятно. А ты знал его?

– Видел пару раз в министерстве, а ты?

– Друзьями мы не были, – ответил Кротов. – Ну конечно же, знал и сталкивался, фактически одно подразделение.

Я лет 15 назад в Ленинском районе работал опером, он – во Фрунзенском, потом его назначили начальником розыска Фрунзенского района, а я в ГУВД перевёлся. Честный он был, взяток не брал, в решении шкурных вопросов замечен особо не был.

– Ну что, мы увозим труп в морг? – спросил подошедший судмедэксперт.

– Подождите, я хочу его осмотреть, – ответил Кротов и двинулся к машине медиков.

В ней находился подполковник экспертно-криминалистической службы МВД Егор Иванович Колосевич и что-то сверял.

– Привет, Иваныч! – поздоровался Андрей. – И тебя сюда?

– А ты думал! Начальник криминальной милиции района как-никак! И сюда уже едет начальник службы собственной безопасности и, возможно, будет министр.

– Понятно, только что-то не видно сотрудников ССБ, – критично заметил Кротов.

– Да в пробке где-то, наверное: половина МКАДа стоит, – грустно сказал Иваныч.

– Ну что хотя бы на первый взгляд скажешь? – перевёл тему Андрей.

– Всё после вскрытия, но навскидку алкоголем тут не пахнет, наркотики тоже вряд ли: всё-таки начальник криминальной милиции района... Разве что, может, какой-то мед-

препарат. Вскрытие всё покажет.

– Сегодня будут результаты? – спросил Кротов.

– Думаю, да, в крайнем случае завтра к утру – меня уже торопят...

Кротов открыл простыню, накрывавшую подполковника, осмотрел лицо и грустно сказал:

– Жаль его... Практически мой одногодка... Ну и выражение лица у него, как будто он перед собой чёрта увидел.

Иваныч не дал договорить:

– Не мудрено, на такой скорости со столбом поздороваться. Есть и ещё одна странность!

– Какая? – спросил майор.

Колосевич приоткрыл веко погибшего Овчинникова. Белок был кроваво-красного цвета, как будто в нём лопнули все сосуды, но самой крови не было.

– Что это? Как это? – всматриваясь, произнёс Кротов.

– Сосуды лопнули, – ответил эксперт. – Только я никогда не видел такого: белок абсолютно красный. Нет, могут, конечно, сосуды лопнуть от артериальной гипертензии, физической нагрузки, при травме глазного яблока и так далее, но их будет несколько. Такого я в своей практике не припомню. Может, действительно какой-то медпрепарат оказал такое странное воздействие. К вечеру всё будем знать.

– Уже две странности, – заметил Андрей, – глаза и траектория машины. И то и другое можно же объяснить сильным воздействием какого-нибудь транквилизатора или галлюци-

ногена с побочными эффектами в виде лопнувших сосудов глаз?

– Теоретически, конечно, можно, – комментировал эксперт, – но я не знаю такого препарата, который и в транс вводит, и сознание отключает до такой степени, что основной инстинкт самосохранения не срабатывает, да ещё и повышение внутричерепного давления вызывает, что глаза становятся как у вампира.

Иваныч накрыл труп, и вместе с Кротовым они вышли из машины.

– Поеду опрошу жену погибшего, возможно, она в курсе, что принимал Овчинников или от чего он мог лечиться.

– Давай, – сказал эксперт. – Сложное это будет дело.

Попрощавшись со всеми, Кротов сел в свою машину и удалился с места происшествия.

По дороге он «пробил» телефон жены подполковника, сообщил ей печальную новость и договорился о встрече у неё дома через полчаса. Офис фирмы, где работала Татьяна Овчинникова, находился в микрорайоне Уручье, совсем рядом с её домом. Андрей ехал по МКАД, только в другую сторону, и пытался понять, как можно так врезаться в столб. Не снижая скорости, планомерно направляться к своей смерти, понимая, что шансов выжить при такой аварии не будет.

«А если не осознавал? – думал Андрей. – После какого-нибудь нового ЛСД или другого синтетического наркотика, бывает, и у ненаркоманов так кукушку сносит, что ста-

новится страшно. И с крыш прыгают, и в зверей превращаются... Бог его знает, что у них там за „глюки“, что инстинкт самосохранения отключается. Получается, что начальник криминальной милиции района перед выездом принимает неизвестный наркотик, садится за руль и едет на работу к утреннему совещанию. Больше походит на бред, – продолжал анализировать ситуацию Андрей. – Может, кто-то подсыпал наркотик в еду, и он начал действовать не сразу, а через какое-то время? Тоже вряд ли. Ехал он из дома. Не могли же домашние подсыпать! Вдруг был скрытый конфликт с супругой, а она таким образом решила избавиться от мужа? Как версия – возможно». Визит к жене и должен был прояснить это обстоятельство, по крайней мере на это Андрей и надеялся.

Ход мыслей прервал звонок руководителя, начальника первого управления по раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений МВД Беларуси, полковника милиции Леонида Борисовича Осиповича:

– Что у тебя? – раздался вопрос в трубке.

– Был на месте происшествия, – рапортовал Кротов. – На несчастный случай никак не тянет, траектория машины очень странная, как будто он «нацелился» на столб и несколько километров ехал в него, не снижая скорости. На месте происшествия была «Стрела» (спецподразделение ГАИ), которая всё это зафиксировала. В общем, это точно не несчастный случай. Сейчас еду к жене Овчинникова, опро-

шу её, что и как было утром, до выезда подполковника на работу.

– Не опрашивай, а сразу допрашивай с внесением показаний в протокол допроса. Уже возбуждено уголовное дело по факту гибели подполковника Овчинникова, ты будешь работать в группе по нему.

– Ясно, – ответил Кротов.

– После обеда со всеми материалами дела ко мне, будем думать, что с этим всем делать. Всё министерство на ушах стоит, требуют оперативного расследования. Сам-то что думаешь по этому поводу?

– Думаю, либо какой-нибудь синтетический наркотик ему подложили в еду, а действовать он начал не сразу, либо он решил покончить с собой, а для храбрости принял ЛСД, либо передоз какого-то медпрепарата.

– Хорошо, отрабатывай все версии, – сказал полковник и положил трубку.

Подъехав к дому Овчинникова, Кротов осмотрел территорию, прилегающую к подъезду, и, ничего подозрительного не обнаружив, поднялся в квартиру погибшего. Его встретила жена Татьяна, убитая горем. Она начала с вопроса:

– Как это произошло?

– На кольцевой. Врезался в столб. Умер сразу на месте, – уверенно сказал Андрей. Ни про странную траекторию машины, ни про красные глаза Кротов решил не говорить пока, чтобы не тратить время на вопросы вроде: «Да как же такое

могло случиться?»

– Скажите, Татьяна, – продолжал оперативник, – у Юрия был мотив для самоубийства?

– Да вы что?.. С ума сошли? – почти истерично возразила женщина. Какое самоубийство? У нас нормальная семья, всё хорошо... было. Мы и не ссорились никогда. Сын у нас умница, в БНТУ учится, отличник. На работе у него всё хорошо, карьера, сами видите, сложилась. Ни о каких разногласиях на службе я не слышала, да и вообще он человек неконфликтный был, для самоубийства причин не было. Да, думаю, он бы и не смог, Юра жизнь любил. Так мы ж путёвку в Грецию взяли, через месяц должны были лететь.

Татьяна достала из стола билеты на самолёт в Грецию на двоих и договор с фирмой, передав всё Кротову.

– Зачем ему сейчас совершать самоубийство? – не унималась Татьяна.

– Мы просто отрабатываем все версии, – сочувствующе произнёс Андрей.

Вопрос о попадании к подполковнику в еду какого-нибудь синтетического наркотика опытный оперативник решил не задавать. В ответ он бы услышал: «Разумеется, нет, вы в своём уме?» Ситуацию это не прояснило бы, а истерика могла принять намного больший масштаб. Поэтому Кротов спросил:

– Какие медпрепараты принимал Юрий? От чего он лечился?

– Юра... – нервно процедила жена, – был здоров как бык, он вообще таблетки не пил, даже простое жаропонижающее его было не заставить принять, говорил: «Одно лечишь, другое калечишь». Простуду малиной и лимоном лечил, в тренажёрный зал ходил, вёл здоровый образ жизни.

– А утром как вёл себя ваш муж? Что-то необычное наблюдалось? Его поведение не было странным?

– Нет, – почти крича ответила Татьяна. – Всё было абсолютно как обычно: позавтракал, оделся, вышел первый, мне близко ехать, я вышла через двадцать минут, всё как всегда. Сын поехал в университет раньше – он на общественном транспорте добирается. Разве что...

– Что? – сразу перехватил Андрей.

– За завтраком он сказал, что немного подустал, скорее бы отпуск. Хотя раньше ни на какую усталость не жаловался, – вновь заревела Татьяна.

Видя, что истерика жены Овчинникова начала нарастать по экспоненте, Андрей быстро внёс в бланк протокола её показания, попросил расписаться и, выразив глубокие соболезнования, вышел из квартиры.

«Похоже, она действительно убита горем, – думал Кротов. – Так не сыграешь. Вряд ли она подсыпала что-то мужу в еду, а сейчас разыгрывала комедию». Хотя за время службы в органах Андрей повидал многое.

«Но никак это не было похоже на игру жены Овчинникова, – проворачивал в голове беседу с Татьяной Кротов. – И

мотива у неё нет... Хотя почему нет? Не исключено, что он скрытый, и об этом никто не знает, – возражал сам себе майор. – Может, есть любовник, во всяком случае, напрочь отметать эту версию не стоит пока. Надо покопаться, собрать все данные, „пробить“ её телефонные переговоры, электронку, Viber или WhatsApp. Возможно, что-то и всплывёт», – анализировал обстоятельства Кротов, возвращаясь из микрорайона Уручье к зданию министерства по центральному проспекту Минска. Более 10 лет назад его переименовали в проспект Независимости, а Андрей всё ещё по привычке называл его проспектом Франциска Скорины, так и не поняв, о какой независимости идёт речь: то ли от немцев в 1944 году после освобождения Минска, то ли о независимости от СССР в 1991-м, то ли вообще от поляков после распада Речи Посполитой в 1795-м. Кому и чем не угодил белорусский первопечатник Франциск Скорина, Кротову было непонятно.

Его размышления по поводу мотивов и версий этого происшествия прервал звонок начальника – полковника Осиповича:

– Кротов, ты где?

– Еду на базу, сейчас проезжаю цирк, через пять-десять минут буду на месте, – уверенно ответил Андрей.

– Поторопись, – нервным голосом оборвал Осипович. – Два часа назад по дороге из городской прокуратуры в прокуратуру Партизанского района на станции метро «Фрун-

зенская» бросился под поезд прокурор Партизанского района Виктор Евгеньевич Мурашко, – и после небольшой паузы добавил: – Друг подполковника Овчинникова. Через два часа совещание у начальника криминальной милиции МВД полковника Матвеева. Эксперты уже идут ко мне, – и положил трубку.

Кротов, добравшись до министерства, от своего коллеги по кабинету капитана Павла Куликовского узнал, что самоубийство прокурора Партизанского района в метро – это ещё не всё. Октябрьское РУВД расследует гибель судьи Ленинского района Гусакова, который утром вывалился из окна лестничного пролёта шестого этажа и, естественно, разбился насмерть. Деталей Павел не знал.

– Многовато как-то трупов для обычного четверга, – подумал Кротов и направился в кабинет начальника.

– Разрешите войти, товарищ полковник? – заглянул Андрей.

– Конечно, заходи, майор, вот ждём тебя, – не очень довольным голосом ответил Осипович.

В кабинете находились эксперт Иваныч и его подчинённый капитан Волобуев. «Значит, экспертиза готова, – подумал Кротов, – умеют же работать, когда захотят, а то завтра... наверное...» – и сказал:

– Неужели так быстро готова экспертиза, менее чем за пять часов?

– Да, – ответил начальник, – и она вас, майор, не порадует.

ет, – добавил он озабоченным голосом.

– А что там? – присел на свободное место Кротов и взял у Иваныча листок с экспертизой.

– А там, – продолжал полковник, – заключение о том, что в крови Овчинникова не обнаружено ни следов алкоголя, ни следов наркотиков, включая самые совершенные синтетические, ни следов вообще каких-либо медицинских препаратов, включая транквилизаторы, галлюциногены и всё прочее. Ничего в крови нет, – оборвал полковник.

– Ошибка исключена? – читая экспертное заключение, спросил Андрей.

– Абсолютно исключена, я сам несколько раз всё перепроверил, – ответил Иваныч.

– Получается, – задумчиво продолжал Кротов, – это точно не убийство путём подсыпания наркотика в пищу. И не самоубийство с применением психотропных или наркотических веществ.

– Но полностью исключать самоубийство мы же пока не будем? – неуверенно спросил полковник.

– А как вы себе это представляете? – спросил Андрей. – В здравом уме, в трезвой памяти начальник криминальной милиции района садится за руль и по пути на работу на скорости сто километров в час замечает столб за несколько километров на кольцевой дороге, берёт на него курс и планомерно движется к нему сначала по второй полосе МКАД, потом по первой, затем по обочине, пока наконец не «впечатыв-

вается» в него. Очень странное самоубийство! Не находите? Он что, смаковал приближение смерти на всей этой дистанции к столбу? При этом не оставил никакой предсмертной записки, а за три дня до этого купил путёвку в Грецию на время отпуска, – Кротов протянул Осиповичу протокол допроса жены Овчинникова. – Более странного самоубийцы я ещё не встречал, а если учесть, что это не просто абстрактный Вася, а начальник криминальной милиции района, офицер, ответственный и вменяемый человек, то версия самоубийства тут ни в какие ворота не лезет. Для самоубийства нужен мотив, а его нет.

– Если мы не знаем мотива, это не значит, что его нет, – возразил полковник.

– Хорошо, – продолжал Кротов, – если есть какой-то скрытый мотив, внезапно «нарисовавшийся» за три дня, прошедшие с момента покупки путёвки, зачем ему так странно врезаться? Ну свернул бы за десять метров до столба – и сразу на тот свет. И потом, если мотив был, его поведение хоть как-то должно было измениться, а жена отмечает, что всё утро подполковник вёл себя как всегда, ни малейшего изменения в поведении она не заметила, по крайней мере за двадцать минут до его гибели.

– А если мотив появился именно за эти двадцать минут, с момента выхода его из дома до гибели? – продолжал полковник. – Незнание мотива женой тоже не означает, что его не было. Надо допросить сына, родственников, может, они

что-то знают.

– Конечно, – ответил Андрей, – всех опросим, всё выясним. Только чутьё мне подсказывает, что это ничего не даст.

– А с чем мне идти к руководству? Сказать, что у нас нет ни одной версии? – возмутился полковник. – Вы что думаете? – обратился он к экспертам.

Те молчали, пожимая плечами.

– Есть одна версия, – оживлённо сказал Кротов.

– Так, – с энтузиазмом в голосе произнёс полковник.

– Если мы исключаем несчастный случай и самоубийство, остаётся убийство, – продолжал майор.

– Но в авто никого не было. За рулём находился Овчинников, – заметил Осипович.

– Да, но машина ехала прямолинейно, не снижая скорости до самого объекта столкновения. Если представить, что вся система управления автомобиля была заблокирована, то есть в какой-то момент он вошёл в ступор и не срабатывали педали, коробка передач, ручной тормоз и руль. Машина ехала с неизменной скоростью, и, что бы Овчинников ни делал, она не реагировала, а продолжала движение. Понятно, что сама она так повести себя не могла, но, может, её кто-то переделал, влез в компьютер машины, переделал управление, а в нужный момент по сигналу ввёл машину в ступор? Бедный подполковник что бы ни делал, машина слепо неслась к цели. А с перепугу у него подпрыгнуло давление и лопнули сосуды в глазах.

– А что... нормальная версия, – воодушевлённо сказал полковник. Вы что думаете? – обратился он к экспертам.

– Теоретически возможно, но на практике такого я не встречал, – возразил Иваныч.

– Когда будет готова экспертиза по машине? – строго спросил Осипович у эксперта.

– По машине... не ранее завтрашнего вечера, надо привлечь специалистов сервиса «Ниссана», – перестраховывался Иваныч.

– Завтра к обеду экспертиза по машине должна лежать у меня на столе, привлекайте кого хотите. Особое внимание обратите на любые сторонние механизмы и компьютер этого «Кашкая». На данный момент это самая вразумительная версия. Я к руководству, а ты, Андрей, поезжай во Фрунзенское РУВД, там, как я тебе уже говорил, возбуждено дело по факту гибели друга Овчинникова, прокурора Партизанского района Мурашко, который бросился под поезд в метро на станции «Фрунзенская» через час с хвостиком после гибели начальника криминальной милиции Фрунзенского района. Они были друзьями.

– Откуда такая информация? – поинтересовался Кротов.

– Из службы собственной безопасности позвонили, – ответил Осипович, – во Фрунзенском районе сейчас сотрудники опрашивают начальника РУВД и подчинённых Овчинникова. Все материалы и протоколы допросов они тебе предоставят, вы работаете в одной группе по общему уголовному

делу. Кстати, городская прокуратура тоже на ушах стоит: самоубийство прокурора в центре города! Такого на моей памяти в Минске ещё не было. Заодно и посмотришь дело о гибели Мурашко, возможно, будет что-то общее.

– Ну и на десерт, – продолжал полковник, – заедешь в Октябрьское РУВД, там дело о гибели судьи Ленинского района Гусакова, который утром выпал из окна лестничной клетки на улице Воронянского. Это ещё одна жертва из погибшей сегодня троицы. Тоже информация ССБ.

Осипович встал из-за стола.

– Все свободны, о любой значимой информации мне немедленно докладывать по телефону, – громко сказал полковник.

– Да... неожиданный поворот, – выходя из кабинета начальника, сказал майор Кротов.

Иваныч, соглашаясь, кивал головой.

– Какое-то кровавое утро, – сказал Волобуев, почёсывая затылок.

Глава 2

Синдикат киллеров

Оставшись без обеда, Андрей поехал во Фрунзенское РУВД. Он надеялся застать там сотрудников собственной безопасности МВД, чтобы лично выяснить, откуда у них такая оперативная информация о дружбе трёх погибших. «Возможно, – думал Кротов, – они проводили по убитым какие-то оперативные мероприятия, грубо говоря, вели разработку по какому-нибудь АОД. Может, вместе взятку брали за решение вопроса?»

«А что?.. – майор продолжал выстраивать цепочку. – Криминальная милиция „замыливает“ какое-то преступление, прокуратура прикрывает, а суд выносит оправдательный приговор. Правда, – думал Андрей, – здесь будет один серьёзный нюанс. Ведь районы-то у всех разные: милиция – во Фрунзенском, прокурор – в Партизанском, а судья – в Ленинском. Сложно решить вопрос по определённому делу, надо вовлекать в тему дополнительных людей».

К тому же Овчинникова он знал лично: это был классный опер, и вряд ли он бы подписался на какую-нибудь авантюру со взяткой.

«Хотя всё бывает: и жук свистит, и бык летает, – продолжал думать Кротов, подъезжая к Фрунзенскому РУВД, – яс-

но одно: если они были под колпаком ССБ, у тех есть все данные об их перемещениях, телефонных разговорах, встречах с возможными фигурантами и т. д. . . . Эта информация может очень сильно продвинуть все три расследования. Только вот вряд ли они поделятся такой информацией, им выгоднее самим раскрыть преступления, записав себе в актив серьёзное дело».

Зайдя в РУВД, Кротов представился дежурному и спросил, не уехали ли министерские. Дежурный ответил:

– Они в двенадцатом кабинете.

Майор быстрым шагом направился в двенадцатый кабинет, инстинктивно пытаясь успеть, чтобы застать всех на месте. Войдя в кабинет, он увидел собирающихся уходить сотрудников службы собственной безопасности МВД. Он знал их в лицо. Это были майор Дмитрий Волохов и капитан Антон Сакович. Их отчество Кротов не знал. Они, конечно же, тоже знали Кротова в лицо.

– Здравствуйте, господа эсэсбэшники, – торжественно произнёс Кротов.

– Здравствуй, Андрей, мы тебя давно ждём, вот уже уходить собирались, – сказал Волохов, старший в этой компании.

– Да, – сбавил обороты Кротов, – мы, возможно, будем работать вместе по Овчинникову.

– Знаем, – ответил капитан Сакович, – уже допросили почти всех его подчинённых и непосредственного руководи-

теля, начальника РУВД полковника Ковалевича, — протягивал протоколы допросов коллег.

– И что? Есть что-то? – бегло перелистывая протоколы, спросил Кротов.

– Не был. Не замечен. Не участвовал, – громко, с паузой, отчеканил капитан. – Протоколы ничего не дадут, подполковник характеризуется всеми только с положительной стороны: компетентный, справедливый, неподкупный, – продолжал Сакович.

– А вы? – неожиданно спросил Кротов, глядя прямо в глаза Волохову.

Он хотел взять этих бойцов «на пушку», якобы про колпак он всё знает, чтобы вынудить тех хоть немного поделиться информацией, которая бы прояснила это запутанное дело. Ведь времени обмениваться любезностями, письмами и запросами с их службой просто не было, да и недолюбливал Андрей их сотрудников. А кому приятно, когда есть люди, цель которых – найти, мягко говоря, недочёты в твоей работе. Но относился он к ним с уважением, понимая, что без них тоже никак нельзя. Вот Кротов и пошёл на них лобовой кавалерийской атакой:

– Вы характеризуете его со всех этих сторон? – и, не давая ответить на свой же вопрос, продолжал: – Я знаю, что Овчинников у вас в разработке, а Мурашко и Гусаков проходят как его сообщники по вашему оперативному делу. У меня есть стопроцентная информация, что его слушало ва-

ше ведомство, – не унимался Андрей. И видя, что уже начинает перегибать палку, как бы в подтверждение своих слов привёл довод:

– Иначе как бы ваше руководство так оперативно нашло связь между гибелью этих трёх влиятельных людей, да ещё и сообщило моему руководству, что они были друзьями?

Волохов заулыбался, Сакович непонимающими глазами смотрел то на Кротова, то на своего коллегу, пытаясь сделать вид, что он в курсе, хотя Андрею сразу стало ясно, что этот не при делах.

– Ясно, майор, – улыбаясь, продолжал Волохов, – значит, ты решил, что мы его «вели». Уверяю тебя, – словами заботливого отца продолжал Дмитрий, – всё гораздо прозаичнее, чем ты решил. Мы с Антохой, – кивая на Саковича, рапортовал Волохов, – утром по заданию своего руководства приехали сюда, чтобы допросить сотрудников РУВД по факту гибели начальника их криминальной милиции. А тут все бегают, суетятся, половину оперов из розыска отправляют на станцию метро «Фрунзенская» по факту гибели прокурора. Там даже станцию перекрыли. В дежурке нам сказали, что этот прокурор был другом Овчинникова, об этом в РУВД все знают, никаких секретов тут нет. А через полчаса после начала допроса сотрудников к нам зашёл дежурный и показал сводку по городу, где чётко было написано, что судья Гусаков выпал из окна шестого этажа, по факту чего и возбуждено «октябрятами» уголовное дело. Так вот, этот же дежурный

нам и сказал, что судья был их общим другом, что они вместе ездили на рыбалку, так как все заядлые рыбаки. Вылови тут любого опера, и он тебе, не стесняясь, расскажет, с кем его начальник ездит на рыбалку. Никакого секрета здесь нет. Мы сразу же позвонили своему руководству и сообщили всё это. И уже наши начальники «под знаком таинственности», как это нередко бывает, скорее всего, сообщили вашим. Вот и пошли слухи о какой-то разработке. Кстати, в протоколах допросов сотрудников РУВД связь трёх погибших отражена.

– Да, всё именно так... – теперь уже уверенно кивал головой Сакович.

– Расслабься, Кротов, – продолжил Волохов, – никакого АОД у нас на Овчинникова нет и не было. Если бы было, нас бы не сюда послали рутинной писаниной заниматься, а мы бы уже убийц брали.

«Поют они, конечно, складно, – подумал Кротов, – но дело по разработке могли и „заныкать“ куда-нибудь подальше, особенно если в нём была информация о том, что может произойти убийство фигурантов, а они эту информацию спровоцировали, и фигуранты погибли. Вот то, что я взял их на „пушку“ и у меня никакой информации по возможной разработке нет, похоже, этот опытный лис Волохов понял».

– Ладно... – неудовлетворённо произнёс Кротов, – протоколы вы мне оставляете?

– Мы передадим их вам через канцелярию, – уходя, ответил Волохов.

Кротов вышел вслед за ними и в коридоре спросил у пробегающего мимо опера:

– Кто у вас занимается гибелью прокурора на «Фрунзенской»?

– Капитан Маевский из семнадцатого кабинета, – ответил тот.

Кротов, не теряя времени, направился туда. Зайдя в кабинет, он поздоровался и спросил капитана Маевского.

– Это я, – ответил самый старший из трёх присутствующих в кабинете.

Визуально его Кротов знал, но лично знаком не был.

– Майор Кротов, – представился Андрей, – можно просто Андрей, мне надо ознакомиться с материалами дела о гибели прокурора Мурашко, вам должны были звонить из министерства.

– Да, конечно, – ответил Маевский, – мне сообщили, – и, протянув руку, представился: – Владимир.

Поздоровавшись с остальными операми, Степаном и Виталием, Андрей сразу перешёл к делу:

– Экспертиза уже есть?

– Полной экспертизы по вскрытию трупа пока нет, есть заключение по анализу крови, – протягивая бумажку, говорил Маевский, – ничего, ни алкоголя, ни наркотиков, ни сильнодействующих медпрепаратов не найдено.

– А видео с камер метро сняли? – интересовался Андрей.

– Конечно, вот уже третий раз просматриваем, – показы-

вая на компьютер Степана, ответил Владимир.

– Посмотрим вместе, – предложил Кротов.

– Хорошо, – ответили опера, усаживаясь за компьютер с записью.

Смотрели внимательно, буквально покадрово, особенно сам момент гибели. Вот прокурор стоит спокойно на платформе, примерно на её середине, вокруг хватает людей. Но видно, что его никто не толкает, находящиеся рядом могли, конечно, на него воздействовать словесно, но не физически. На записи это чётко прослеживается. Вот приближается поезд, а прокурор как ни в чём не бывало начинает движение, будто заходит в вагон, хотя состав только подъезжает. Прокурор ступает в неподошедший вагон, падает вниз, и тут же его «накрывает» поезд. Шансов выжить ноль.

– Типичное самоубийство, – сказал Виталик, вглядываясь в экран.

– Не совсем, – парировал Андрей, – смотри, Мурашко начинает движение, делает шаг, второй, третий, – тыча в экран пальцем, продолжал Кротов, – и вот пошёл четвёртый шаг, именно шаг, как будто дальше есть поверхность, а её там уже нет... Если бы он готовился к самоубийству, он бы прыгнул в яму перед поездом, а он хотел зайти в вагон.

– Значит, это нетипичное самоубийство, – процедил Виталий.

– Очень умно... – посмотрел на него Андрей.

– На камере чётко видно, что глаза у него открыты, он по-

нимает, куда идёт, – оправдывался опер, – может, он видел поезд, а поверхность платформы не заметил, вот и оступился.

– Кстати, по поводу глаз, – вмешался в спор Маевский, – вот протокол осмотра трупа, я сам его составлял. Так вот, белки у него были красные, как у варёного рака или вампира, словно лопнули все глазные сосуды.

Кротова от этой фразы передёрнуло. Он медленно повернул голову в сторону Маевского, потянулся за протоколом, взял его, стал буквально вчитываться в эту бумагу.

– Что? – почти хором спросили опера.

Через небольшую паузу Андрей ответил:

– У вашего начальника Овчинникова тоже глаза были как у вампира, я сам осматривал его.

– Вот это поворот! – выдавил из себя Маевский.

– Получается, – задумчиво продолжал Кротов, – это именно убийства, и убийства, связанные между собой. Только Овчинников был на машине, а Мурашко воспользовался метро.

– Получается... – повторил третий опер Степан.

– А почему прокурор был не на машине? Что он делал в метро? – вдруг оживился Андрей, подумав, что автомобиль могли намерено испортить. Это была бы зацепка.

Виталий парировал:

– Всё у него есть: и личная, и служебная машина, просто ему от прокуратуры Партизанского района гораздо проще и быстрее до городской добираться на метро, одна ветка,

с метро «Тракторный завод» до «Фрунзенской» 15 минут. А на машине полчаса минимум, да и то если не будет пробок. Мы говорили с прокурорскими, он всегда так ездил, это его типичный маршрут.

– И что теперь? – с оживлением спросил Маевский, – эти дела надо объединять, получается, вы у нас это дело заберёте?

– Думаю, да, – взвешивая всё, ответил Кротов, – для объединения дел есть два очень серьёзных довода: близкое знакомство погибших и нетипично красные глаза, ну и способ убийства или гибели: они как бы добровольно пошли на смерть и приняли её. Скорее всего, этого будет достаточно для объединения.

– Вот и хорошо, – выдохнул Маевский, – забирайте тогда дело сейчас.

– Нет, – ответил Кротов, – я дело забирать не буду, и решение об объединении дел принимаю не я, доложу руководству.

Он медленно изучал дело:

– И родственников успели допросить, и сослуживцев, – восхищаясь, говорил Кротов.

– А то! Мы же работаем, – как бы хвалясь, отвечал Маевский, – только это ничего не дало, всё как обычно, у него был самый типичный день, зацепок ноль. И домочадцы, и сослуживцы никаких изменений в поведении прокурора не заметили.

– Ладно, мне пора, – посмотрев на мобильник, сказал Андрей, – совсем поздно, а мне ещё в Октябрьское ехать, посмотреть материалы о гибели судьи Гусакова надо. Может, хоть там всё проще окажется.

– Удачи тебе, – опять почти дружно сказали опера.

Оставив дело, Кротов вышел из кабинета, направился к выходу из РУВД, но по дороге всё же зашёл в местную дежурку и уточнил, поднимался ли дежурный со сводкой в двенадцатый кабинет и рассказывал ли им о знакомстве трёх погибших. В дежурке всё это подтвердили.

Выйдя из здания, он набрал Осиповича и подробно изложил всю картину. Время было действительно позднее, и начальник посоветовал завтра с самого утра ехать в Октябрьское РУВД и только после этого зайти к нему с докладом. Начальника розыска о его визите он предупредит.

Весь вечер Андрей сопоставлял в мыслях материалы данных дел, и чем дольше он это делал, тем больше понимал, что гибель этих двух людей – звенья одной цепочки. А значит, дела надо объединять. Если это убийства, то каким же изощрённым должен быть убийца, чтобы так всё спланировать. И чем он мог за такой короткий промежуток времени так напугать погибших, что у них лопнули все сосуды в глазах? После выхода Мурашко из городской прокуратуры и до его гибели прошло не более 10 минут. Опера во Фрунзенском показали ему запись того, как прокурор покинул здание, с проставленным временем – через девять минут он уже был

мёртв. «Получается, убийца напугал его по дороге, то есть он ждал, но чем же так можно испугать?» – эта мысль весь вечер не давала Андрею покоя. Но ответа у него не было.

Следующим утром Кротов прибыл в РУВД Октябрьского района и сразу пошёл к начальнику розыска майору Сергею Петровичу Карповичу. По долгу службы Андрей знал всех начальников розыска в РУВД, так как не раз с ними сталкивался, но близко знаком не был. Поздоровавшись и уточнив, как идут дела по раскрываемости в районе, Кротов сходу задал вопрос:

– Кто осматривал труп погибшего?

– Опера наши осматривали, эксперт осмотрел, потом судмедэксперт, – отвечал Карпович, начав искать протоколы осмотра в деле, – сейчас найдём...

– Что-нибудь необычное было? – тут же спросил Андрей.

– Да, было, – ответил начальник розыска и протянул Кротову протоколы.

Не дожидаясь ответа, Кротов выпалил:

– Красные, как у вампира, глаза!

– Откуда вы знаете? – изумлённо спросил Карпович, – что, уже читали это дело?

– Нет, Сергей Петрович, догадался...

– Как о таком можно догадаться? – продолжал изумляться начальник розыска.

– Очень просто, – раскатисто продолжал Андрей, – у двух его друзей, Мурашко и Овчинникова, о гибели которых в го-

роде не говорит только ленивый, тоже белки кровавого цвета от лопнувших сосудов.

– Три друга, красные зрачки, – продолжал Карпович, – так это серия, дела надо объединять, а мы тут вообще к несчастному случаю склонялись. Думали, ну выпал случайно. В крови ничего криминального не обнаружено. Вскрытие было – тоже совсем ничего, смерть наступила от удара о землю.

– Такая же картина в двух других случаях, – добавил Кротов. – Родственники ничего подозрительного в поведении не заметили.

– Да... ни родственники, ни сослуживцы ничего необычного не заметили, – обобщал факты Карпович, – жена отметила, что вышел из квартиры весёлый и в хорошем настроении, даже шутил. А через пять минут услышала крики внизу и толпу зевак, спустилась – там муж весь в крови. Ей стало плохо, и приехавшая скорая увезла её в больницу, мы только там с ней смогли поговорить, после того как ей вкололи успокоительные.

«У этого ещё меньше времени прошло с момента, как его видели в полном здравии, до самой смерти, реально минуты три, не больше, – думал Андрей, листая материалы дела. – Стоп, – продолжал про себя Кротов, – Гусаков вышел из квартиры в 08:20 утра, примерно в 08:25 он уже был мёртв, значит, убийца мог напугать его или чем-то воздействовать только в этот промежуток. Но Овчинников тоже вышел из квартиры, по показаниям его жены, в 08:20, а в 08:40 он уже

был мёртв. Получается, его пугали тоже в эти же пять минут, за которые он спустился к машине, так как потом он ехал один. Значит, обоих убийцы ждали в подъезде, чем-то на них воздействовали, после чего те покончили с собой. Но тогда получается, что убийц было как минимум двое, один человек не мог находиться одновременно в двух разных местах, на улицах Воронянского и Россиянова. Синдикат изошрённых киллеров, только этого нам не хватало», – продолжал мысленно анализировать ситуацию Кротов, листая материалы дела.

– А подъезд хорошо осмотрели? – спросил Андрей Карповича, прерывая цепочку рассуждений, пока не ушёл в них совсем далеко.

– Лучшие опера работали, – уверенно сказал начальник уголовного розыска. – Жил Гусаков на восьмом этаже, лифтом не пользовался, где-то начитался о пользе для здоровья хождения пешком по лестницам. Спускаясь в этом доме по лестнице, на каждом этаже ты проходишь через открытый балкон. Он прошёл седьмой этаж, а на следующем, шестом, у балкона стоял табурет, на котором постоянно курит сосед с этого же этажа. Так вот, он шёл, наступил одной ногой на этот табурет, второй – на балконное ограждение и следующий шаг сделал уже вниз и, естественно, разбился насмерть. Следы на стуле и балконной раме зафиксированы криминалистами. У меня сложилось впечатление, что он просто промахнулся. Шёл, сбился с курса и шагнул в пропасть, хотя

в крови ни транквилизаторов, ни чего-то галлюциногенного обнаружено не было.

– У меня такое же чувство по двум его друзьям, – задумчиво сказал Андрей, – ладно, картина вроде ясна, поеду докладывать руководству.

Он попрощался с Карповичем и пошёл на выход.

Но поехал не в министерство, а к месту гибели судьи. Андрей хотел сам тщательно осмотреть седьмой этаж, где произошла их возможная встреча с киллером, который его то ли пугал, то ли как-то воздействовал, а может, вообще гипнотизировал, после чего он и выпрыгнул с балкона. Для себя Кротов уже сложил картину преступлений. Киллер с помощником ждали Гусакова и Овчинникова в подъездах, скорее всего, на их этажах при выходе из квартир. На обоих фактически одновременно чем-то воздействовали, после чего судья падает с балкона, а милиционер врезается в столб. Третьего помощника у них не было, поэтому только через полтора часа они встретили Мурашко уже после совещания в городской прокуратуре и по пути в метро «обработали» тем же методом. А далее прокурор района кончает жизнь самоубийством на глазах у десятков людей. И не подкопаешься, если бы не глаза. Здесь, видимо, у киллеров вышла промашка. Ведь если бы не глаза, эти дела объединить было бы нечем и каждое списали бы как несчастный случай или самоубийство.

– Это будет очень сложное дело, наверное, самое слож-

ное за всю мою практику, – подумал Андрей, начиная осмотр седьмого и восьмого этажей дома погибшего Гусакова.

Он тщательно обыскал всё, каждый сантиметр, но ничего существенного не нашёл, за исключением, пожалуй, зажигалки, валявшейся возле лифта седьмого этажа. Это была самая обыкновенная дешёвая пластиковая зажигалка, которую можно было найти на улице в любом месте, но мог её обронить и убийца. Конечно, Андрей хватать её не стал, а решил оформить всё протоколом. Но изъять и приобщить её к делу можно было только с понятыми, а не просто положив в карман. Кротов позвонил во все квартиры на этаже, но никто не открыл – была пятница, ещё рабочий день. Тут он услышал шорох где-то наверху, поднялся на девятый этаж и увидел целующуюся молодую парочку. Андрей обрадовался, что нашёл понятых, достал удостоверение и громко сказал:

– Уголовный розыск! Чем это мы занимаемся в общественном месте?

Парень впал в ступор, а начитанная девица сообразила:

– Мы практикуем лишь предварительные ласки, не нарушая общественный порядок.

– А вы в курсе, что здесь вчера человек погиб? – так же громко спросил Андрей.

Парень вышел из ступора и ответил:

– Человек погиб вчера, а ласки мы практикуем сегодня.

– Всё с вами ясно, студенты! – слегка осуждая, сказал Кротов, – будете понятыми, мне на седьмом этаже предмет надо

изъять.

И повёл молодёжь на нижние этажи. Аккуратно заполнив все бумаги и положив зажигалку в специальный полиэтиленовый пакетик, Андрей направился в министерство с докладом.

По дороге Кротов вновь и вновь прокручивал всю ситуацию: «А что если киллеров было трое, но в силу стечения обстоятельств Мурашко не получилось отправить на тот свет в это же время, когда он выходил из дома? Может, кто-то помешал, а может, прибор, который они применяли, не работал, или гипноз не получился, если, разумеется, убийцы гипнотизировали как-то своих жертв. И тогда третий киллер смог повторить попытку только через полтора часа и в другом месте. Этот вариант даже более правдоподобен, чем версия с двумя киллерами, – продолжал думать Андрей. – Ясно одно: исполнители из одной банды и, скорее всего, хорошо знают друг друга. Туманным остаётся мотив. Возможно, какое-то общее уголовное дело, которым занимались все трое. Но как выйти на такое дело? Ведь они работали в разных районах, разных структурах, общего дела может и не оказаться. И тогда даже примерный район поиска самого заказчика будет неизвестен. А раскрыть это преступление невозможно».

Доехав до министерства, Кротов сразу пошёл в кабинет начальника и, застав его одного, поделился всеми соображениями с выводами по трём делам. Ответ Осиповича был

предсказуемым. Он вскочил с рабочего кресла и негодуя произнёс:

– Три заказных убийства весьма влиятельных в городе людей? – и далее, ходя по кабинету взад-вперёд, продолжал: – Какой синдикат киллеров в Минске? У нас тут не Чикаго. Ты понимаешь, что говоришь? Что начнётся, если я доложу об этом руководству?

– Что докладывать руководству, решать вам, товарищ полковник, – вполне спокойно ответил Кротов. – Вы можете с такими исходными данными и фактами предложить любую другую версию произошедшего, разумеется, кроме вмешательства инопланетян или других высших сил?

После нескольких минут молчания тишину нарушил Осипович:

– Что ты намерен делать дальше?

– Все материалы надо собрать и объединить в одно дело.

– Это и так понятно, – нервно ответил полковник, – это сделают и без тебя.

– Надо дать задание в районы опросить всех жильцов подъездов, где жили фигуранты, не видели ли они посторонних лиц, причём не только в день убийства, но и как минимум за неделю до этого. За погибшими могли следить, киллеры знали точное расписание и распорядок жертв. На всех подозрительных составить фотороботы. Сам хочу проехать по адресам Овчинникова и Мурашко, проверить подъезды, может, что-то будет. Сдам зажигалку из подъезда Гусакова

экспертам, может, пальчики найдутся в базе. А главное, надо искать мотив, только через него мы сможем выйти на заказчика. Значит, надо идти в архив и поднимать все дела с самого начала их службы и отыскать такое дело или дела, где в той или иной степени будут участвовать три наши жертвы.

– Хорошо, – отрезал полковник, – поезжай по адресам, внимательно всё осмотри, если что найдёшь, сразу звони мне. Завтра с утра жду тебя на совещании с чётким планом по раскрытию этих убийств.

– Понял! А экспертиза машины Овчинникова готова?

– Готова... – протяжно ответил Осипович.

– И там ничего! – как будто зная, сам ответил Андрей.

– Ничего, – сухо сказал полковник, – эксперты и наши, и с «Ниссана» почти сутки ковырялись, ни одного лишнего элемента не нашли, процессор, конечно, не восстановили, но заключение однозначное: машина была в исправном состоянии и сама себя так повести не могла.

– Ясно, – ответил Кротов, встал и вышел из кабинета начальника.

Андрей съездил и на улицу Руссиянова, где жил полковник Овчинников, и на проспект Рокоссовского в микрорайон Серебрянка, где жил прокурор Мурашко. Обшарил оба подъезда, но ничего такого, что хоть как-то можно было отнести к этому делу, не нашёл.

На следующий день на утреннем совещании полковник Осипович объявил:

– Три уголовных дела, возбужденных по фактам гибели полковника Овчинникова, прокурора Мурашко и судьи Гусакова, объединены в одно. Вести дело будет следователь из СК управления по Минску подполковник юстиции Денис Александрович Юревич, один из опытнейших следователей. От нас участвуют майор Кротов и капитан Куликовский, привлекайте любых оперов из любого района или города в любом количестве. Остальным оказывать помощь этой группе, если понадобится. Дать отдельные поручения во все районы Минска, поднять агентуру, любую информацию, любую, Огородников... – полковник гневно посмотрел на засыпающего опера, – мне лично или майору Кротову сразу на стол. Дело на контроле у министра. Раскрыть надо в кратчайшие сроки!

– Извините, товарищ полковник, – виновато сказал Огородников, – ночь не спал, сидел в засаде с районными операми.

– Все свободны, – продолжил Осипович, – Кротов останься.

– Ну что, Андрей? – когда все вышли, сказал полковник. – Преступления надо раскрыть, всё очень серьёзно, спустить на тормоза не получится, с нас не слезут, министр лично его будет контролировать. Такого дела у меня и у тебя в практике ещё не было, но, кроме тебя, его никто не раскроет, постарайся, как только сможешь.

– Постараюсь, Леонид Борисович, – вздыхая, ответил Ан-

дрей.

– Всё, что от меня нужно, сразу обращайся, любые запросы, любые разрешения, всё будет, – бодро говорил Осипович, – что намерен делать?

– Встречусь со следователем, помогу написать отдельные поручения по районам, на опрос соседей жертв, зайду к экспертам, может, что-то новенькое есть, может, уже идентифицировали отпечатки пальцев с зажигалки. Куликовского попрошу заняться архивом, надо искать дела, где в той или иной мере присутствуют все жертвы в любой роли. Потом сам к нему присоединюсь. Только через эти дела можно будет выйти на мотив и потом на заказчика убийств. А киллеры, даже если мы и найдём их, в чём я сильно сомневаюсь, такие профессионалы вообще следов не оставляют, на заказчика всё равно вряд ли выведут, если они вообще ещё живы. Серьёзный заказчик, скорее всего, их убрал или уберёт в ближайшее время, если это, конечно, в действительности не синдикат киллеров со своим профсоюзом. Тогда они могут убрать заказчика в случае необходимости.

– Действуй, Андрей, оперативно действуй! – звонко сказал Осипович.

Встав из-за стола, Кротов с лёгкой улыбкой спросил:

– Вы же, товарищ полковник, «наверх» о синдикате киллеров не доложили?

– Нет, конечно, – чуть не поперхнулся Осипович, – нам бы вообще работать не дали, докладывали бы каждые два часа,

а к делу бы привлекли столько людей, которые для его раскрытия не нужны, что всё только бы тормозилось. Я сказал, что между всеми случаями есть явная связь, вот и всё. Кстати, пришёл отчёт о вскрытии: все умерли от того, что с ними и произошло. То есть Гусаков – от удара о землю, Мурашко погиб под поездом, а наш коллега – от столкновения машины со столбом. Версия, что Гусакова сначала, допустим, душили, а потом мёртвого сбросили с балкона, не подтвердилась.

– Я знаю, – сказал Кротов, – читал эти экспертизы.

И вышел из кабинета.

Заходя в свой кабинет, Андрей, вздыхая, сказал:

– Ну что, Павел, подкинули нам работку.

– И не говори, – ответил Куликовский, – ну давай, вводи меня в курс дела, что есть, какие наработки, какие мысли? Что будем делать?

Тогда Кротов поведал все свои предположения, догадки и факты.

– Сложить всё это в другую цепочку я не могу, – добавлял Андрей.

– Ну ты даёшь! – изумлялся Павел. – Синдикат киллеров в Минске?

– Может, и не синдикат, – возражал Кротов, – но киллеров было как минимум два, либо, в крайнем случае, был киллер и его помощник. Ну и не обязательно, что киллеры местные, может, их из Парижа заказчик выписал.

– Да, – согласился Куликовский, – всё логично, пожалуй, действительно никак по другому всё это объяснить невозможно. А если все версии, кроме одной, отпадают, то эта одна и есть единственно верная.

– Шаришь... – сказал Андрей.

– Тогда как действуем? – настороженно спросил Павел.

– Ты поезжай в архив, Осипович уже делает нам допуски, начни с дел Овчинникова, пересмотри каждый документ, очень внимательно, ничего не упуская, если там есть хотя бы просто подписи двух других жертв, Мурашко и Гусакова, неважно, в каком качестве, хоть свидетеля или понятого, судьи или прокурора, сразу откладывай. Надо найти дела, где участвуют все погибшие. С этими делами и будем потом работать. Я завтра к тебе присоединюсь, а сегодня поговорю с экспертами и следователем. Наметим план действий.

– Хорошо, – ответил Павел.

И поехал в архив. Андрей же спустился к экспертам, сразу в кабинет Иваныча.

– Здоров, Иваныч, – приветливо произнёс Кротов, – чем порадуешь? Может, у тебя что-то есть?

– Есть... – загадочно ответил Иваныч.

– Ну так не тяни!

– Мы сделали анализ крови Овчинникова на гормоны, ну там эндорфины, тестостерон, серотонин и т. д...

– И что? – с нескрываемым любопытством спросил Андрей.

– А то, что все гормоны у него в норме, кроме одного, адреналина. «Перешкал» бешеный, в 10 раз, норма – 112–658 пг/мл, а у него перед смертью почти 6000... Такого даже теоретически быть не может, но мы всё несколько раз проверили, это факт.

– И что это может означать?

– Адреналин повышается в стрессовой или шоковой ситуации, при наступлении опасности, иначе говоря, он находился в таком шоке, что его могло даже парализовать, либо он увидел что-то настолько страшное, что испуг его просто обездвижил. Отсюда и лопнувшие сосуды, и невозможность управлять автомобилем. А вот что так могло его испугать или шокировать, я себе даже представить не могу. Даже если бы он увидел смерть с косой, ну вырос бы адреналин в 2–3 раза, а тут почти в 10 раз!

«Этот факт, – подумал Кротов, – не сильно вписывается в его версию про группу киллеров. Получается, если киллеры напугали его или ввели в шок в подъезде, тогда как же он такой шокированный проехал ещё 15 минут на своём авто и только потом врезался? – задавал сам себе вопрос Андрей. – А в машине он был один, напугать его там не могли, это исключено. Может, сначала шок, а потом гипноз?» – думал Кротов.

– В общем, – продолжал Иваныч, – моё дело факты, а выводы вы уже делайте сами и тем более сами ищите этот источник наступления шока.

– Да... – протянул Андрей, – будем искать.

Продолжая думать о заключении по гормонам, Кротов двигался в сторону следственного комитета.

«А что, – размышлял Андрей, – если и у остальных в крови тоже такое же содержание адреналина? Одного шокировали перед входом в метро, а другого – в своём подъезде этажом ниже. И тут же оба покончили с собой. Хотя нет... – продолжал думать Кротов, – шокированный Мурашко всё равно должен был спуститься в метро, дождаться на перроне поезда, а уже по его приближении кинуться под приближающийся состав. Значит, между шоком и смертями есть отсрочка, у каждого случая разная: у Овчинникова – пятнадцать минут, у Мурашко – пять, а у Гусакова – одна-две. Понять бы ещё, что за прибор раздобыли эти киллеры, который с отсрочкой по времени доводит до самоубийства. Может, какой-нибудь ультразвуковой, которым на Западе иногда демонстрантов разгоняют и который ввергает человека в панику. Только его уменьшенная и модернизированная версия. Хотя нет, он бы действовал сразу, а тут отсрочка по времени. Мурашко же вполне спокойно спустился в метро и ждал там поезда, никакой паники у него не было».

Добравшись до Юревича на улицу Первомайскую, Кротов не стал «грузить» его своими версиями о синдикате киллеров, неведомом оружии или приборе и прочими смелыми предположениями. Они согласовали список стандартных запросов, поручений, выемок, обысков и т. д., в общем, план

дальнейших действий.

И Андрей поехал домой, не переставая думать о киллерах и их неведомом приборе, которым они орудовали. Но ответов у него не было.

Глава 3

Почерк спецслужб

В понедельник утром, как и говорил, Кротов поехал в архив к Куликовскому, чтобы помочь в поиске общего для трёх жертв дела.

– Ну что, Павел? Может, уже что-нибудь есть? – с надеждой в голосе спросил Андрей.

– Общего дела пока нет, – отвечал Куликовский, – но есть вот что: раньше Гусаков работал в городском суде, а в район его перевели года два назад, почему и за что, естественно, из материалов уголовных дел мы не выясним. Нужно ехать в суд и беседовать с его коллегами. А вообще, конечно, тут работы – за месяц не справиться, надо мне в помощь пару бойцов, иначе мы надолго засядем.

– Сам позвони Осиповичу и попроси помощников, – как бы анализируя сказанное, ответил Кротов, – а я съезжу в городской суд, попытаюсь там что-нибудь выяснить о Гусакове и почему его перевели.

Направляясь в суд, Андрей понимал, что без специально-го запроса ему там могут не сказать ничего, но времени на согласование не было – с момента убийств прошло уже четверо суток, а кроме голой версии о киллерах, ничего, ни одной улики, ни одной ниточки, ведущей к убийцам и тем бо-

лее к заказчикам. Действовать надо было очень быстро. Все выходные он просидел в интернете, пытаясь найти где-нибудь похожее преступление, прошерстил газетные публикации, форумы, блогеров, где бы эти киллеры могли проявить себя или свой прибор. Но не нашёл совершенно ничего.

Поэтому Кротов, минуя все кабинеты, направился сразу к председателю Минского городского суда. Попросил секретаря сообщить ему, что у него срочное и неотложное дело, не терпящее отлагательств. Судья попросил его зайти.

– Здравствуйте, Вадим Юрьевич, – начал Кротов, предвзвительно прочитав надпись на кабинете председателя, – я по поводу гибели вашего бывшего коллеги Гусакова, вы, наверное, в курсе что он выпал с шестого этажа?

– Конечно, я в курсе, – с лёгким недовольством ответил председатель, – мы уже выразили свои соболезнования его жене. А вы что, расследуете это дело? Это был несчастный случай или ему помогли?

– Следствие только в начале пути, отрабатываем все версии, – дежурно ответил Кротов.

– Хорошо, чем я могу помочь? – явно куда-то спеша, ответил председатель.

– Три года назад, – начал Андрей, – его перевели от вас в район. Не могли бы вы рассказать почему, что тогда случилось? Официально мы до этого будем долго докапываться, а если это обстоятельство окажется ни при чём, потеряем много времени.

– Понятно, – перестал торопиться председатель, – значит, есть версия, что ему помогли. Ну ладно, Гусаков был очень хорошим судьёй, претензий к нему не было, но три года назад с ним приключилась неприятная история. По одному делу об изнасиловании, я бы сказал, по вполне типичному делу, – через маленькую паузу продолжал Вадим Юрьевич, – Гусаков вынес очень мягкий приговор, ну там была масса смягчающих обстоятельств, всё было на усмотрение судьи, и он, наверное, пожалел обвиняемого, вина которого была доказана. Причём насильник всё признал и раскаялся. Но потерпевшая сторона была очень недовольна, и её адвокаты мало что написали кучу жалоб во все вышестоящие инстанции, так ещё всплыли какие-то фото с мобильного, где Гусаков в кафе встречался с адвокатами потерпевшей стороны. Хотя судья и утверждал, что он просто проходил мимо адвоката обвиняемого и поздоровался с ним, не более того, скандал начал набирать обороты. Откуда-то пошли слухи, что якобы есть запись, где Гусаков берёт взятку в десять тысяч долларов от адвоката за смягчение приговора. В общем, Семёну Олеговичу мы вынуждены были объявить дисциплинарное взыскание и, от греха подальше, временно перевели в район. А когда бы вся эта буря поутихла, взяли бы его обратно. Мы уже и документы начали готовить о его переводе к нам. Но я не думаю, что эти дела как-то связаны. Дали насильнику вместо семи лет два, из-за этого убивать судью? Нет... нет, не думаю, – повторял председатель, – тем более что повторный

суд вторичной инстанции оставил приговор без изменения.

– Большое спасибо за информацию, – искренне благодарил Андрей, – а не могли бы вы номер этого дела уточнить?

– Всё-таки будете здесь копать? Ладно, записывайте, – и продиктовал номер из своего органайзера.

– До свидания, Юрий Вадимович, – сказал Андрей, записав номер дела.

– До свидания, товарищ майор, – с улыбкой, покачивая головой, ответил председатель.

Закрыв за собой дверь, Кротов увидел табличку на ней: «Сомов Вадим Юрьевич».

– Вот чёрт, – подумал Андрей, – как же неловко получилось, а он меня и не поправил. Да... заработался я, – сделал мысленное заключение Кротов и начал набирать по мобильнику Куликовского.

– Павел, срочно записывай номер дела, найди его, если в нём, кроме Гусакова, хоть каким-то боком будут присутствовать Мурашко и Овчинников, сразу немедленно звони мне.

– Понял, – ответил капитан.

– А подкрепление тебе дали?

– Да! – ответил Куликовский. – Два опера с района, дело пошло быстрее.

Тут раздался звонок по второй линии. Это был следователь Юревич:

– Здравствуйте, товарищ майор, – официально обратился тот, – я разослал все отдельные поручения по этому делу,

а сам хочу съездить и передопросить жену Овчинникова на предмет дружбы её мужа с Мурашко и Гусаковым. Заодно провести формальный обыск в его квартире. Вы мне компанию не составите?

– Составлю, – ответил Андрей, хотя собирался ехать в архив, чтобы посмотреть дело, из-за которого у Гусакова были неприятности. Он боялся, что Юревич хоть и опытный следок, но может упустить какую-нибудь важную деталь, что в этом деле недопустимо.

– Тогда встречаемся у дома потерпевшей, – продолжил Юревич, – она уже ждёт.

Направляясь в Уручье на улицу Россиянова, Кротов проезжал по кольцевой дороге мимо того места, где произошла страшная авария. Не переставал думать о том, чем таким надо было обработать мозг бедного Овчинникова, что тот после запредельного шока въехал в столб. Он пытался представить себя на месте погибшего коллеги, но ничего не получилось.

Встретившись у дома, Юревич и Кротов зашли в квартиру потерпевшей.

– Здравствуйте, Татьяна! – вежливо сказал Андрей,

– Но я же уже всё вам ещё тогда сказала, что знала.

– Нам необходимо провести обыск в вашей квартире, вот постановление, – протянул листок бумаги Денис Александрович, – может, найдётся что-то, что поможет раскрыть это дело.

– А вы думаете, что это не несчастный случай? – искренне удивилась Татьяна, – думаете, авария подстроена?

– Пока не знаю, – отвечал подполковник, – просто мы должны отработать все версии, это наша работа.

– У Юры была такая же работа, – заплакала Татьяна, вытирая слёзы засаленным платком.

Чтобы перевести тему, Андрей вежливо произнёс:

– А вы можете рассказать об отношениях Юры с его друзьями Алексеем Мурашко и Семёном Гусаковым?

– Могу, конечно, а что, вы думаете, это они аварию подстроили? Не смешите меня, мне и так сейчас не по себе, – иронично произнесла Татьяна.

– Нет, мы их не подозреваем, – тяжело вздыхая, говорил Юревич, – они тоже погибли в это утро: Мурашко бросился под поезд, а Гусаков вывалился из окна.

Для Татьяны это стало настоящим шоком, она не могла осознать всех слов, что сказал следователь, и лишь после долгой паузы выдавила из себя:

– Какой ужас!

Выпив стакан воды и ещё минут пять посидев, переваривая сказанное, Татьяна начала:

– Они знакомы были, наверное, лет двадцать, общим интересом у них была рыбалка, где и когда они сошлись на этой почве, не вспомнил бы никто, включая их самих. Иногда все трое к нам заходили после рыбалки, иногда Юра к ним, но это было нечасто. Семьями мы особо не дружили, других об-

щих интересов как бы не было, исключая, естественно, работу. По делам они регулярно созванивались, друг у друга консультировались, советовались. Отношения у них между собой были очень хорошие.

– Значит, все вместе, втроём, – уточнял Кротов, – они встречались только на рыбалке?

– Думаю, да.

– А куда они ездили рыбачить? И когда это было последний раз? – записывая в протокол показания, спрашивал следователь.

– Ездили всегда на Припять в Петриковский район Гомельской области, там есть очень хорошие места, последний раз это было две недели назад, на майские.

– А приехав, Юрий ничего не рассказывал, может, было что-то необычное в его поведении? – пытался копать Андрей.

– Ну да... Юра с этой рыбалки приехал какой-то очень грустный, ничего не рассказал, хотя обычно хвастается уловом. Выпил водки и пошёл спать. Но на утро всё было как обычно, и к этому вопросу мы больше не возвращались.

– А на рыбалке они употребляли? – неуверенно спросил Юревич.

– В разумных пределах, конечно, – не поняв, что за вопрос, отвечала Татьяна, – где же вы видели рыбалку совсем без этого дела?

– Понятно, – подытожил Юревич, – распишитесь здесь.

И протянул жене Овчинникова написанный им в ходе беседы протокол. В это время Кротов, досмотревший личные вещи погибшего, сказал, что нужно изъять жёсткий диск компьютера и пару фотографий с их совместных рыбалок, после чего выключил запись на мобильнике. Все важные беседы он записывал, как опытный опер, чтобы потом, в случае чего, можно было всё прослушать и восстановить детали.

Татьяна не возражала по поводу изъятия винчестера и фото, через несколько минут оперативник со следователем вышли из квартиры. Прощаясь у подъезда, Юревич сказал:

– Знаешь, майор, я всё проанализировал и думаю, что это три хорошо спланированных убийства, совершённых какой-то очень продвинутой боевой группой.

– А что вас, товарищ подполковник, натолкнуло на такую мысль? – пытаюсь изобразить удивление, спросил Кротов.

– Сам подумай, в три случайных самоубийства трёх друзей или в три несчастных случая не поверит даже школьник. Ежу понятно, что здесь есть тесная связь. Но совершить всё это могла только очень хорошо подготовленная группа. Пришли результаты анализов крови на гормоны всех троих. Так вот, перед смертью у них наблюдался десятикратный всплеск адреналина в крови, что даже теоретически невозможно. Их кто-то очень сильно напугал или шокировал, от этого у пострадавших, кстати, и полопались сосуды в глазах. Сейчас подсоберём материалы, надо будет нам с вами сесть и подумать, как вести дальше расследование. Я, например,

не представляю, где и как искать эту боевую группу, укомплектованную такими спецсредствами, что после их применения человек сразу отправляется на тот свет, якобы сам. Ещё непонятнее с мотивом.

– А вы думаете, что это группа?

– Один человек никак, – сделал вывод Юревич, – по времени не получается, минимум двое, но возможно, и трое, только у третьего что-то не сложилось, и он повторил попытку.

– Пожалуй, да... – протянул Кротов.

А сам подумал, что пора бы делиться с ним всей информацией, всё-таки одно дело делают.

– Мы сейчас поднимаем архивы, – воодушевлённо продолжил Андрей, – ищем дело, где бы фигурировали в любом качестве все три жертвы, возможно, здесь за ниточку потянем и нащупаем мотив. Сейчас три опера в архиве трудятся.

– Это очень хорошо, – произнёс Юревич, понимая, что с майором кашу сварить можно, – как что будет, сразу наберай.

– Наберу, – ответил Кротов.

Попрощавшись, они разошлись по машинам. Но как только Андрей сел в свою, раздался звонок. Это был Осипович:

– Кротов, ты где? Немедленно ко мне! – в ярости кричал в трубку начальник, – через 20 минут ты у меня в кабинете, бросай всё и пулей сюда.

Андрей ехал и думал, что там у него ещё могло случить-

ся, неужели ещё кого-нибудь таким же способом замочили и банда киллеров продолжает орудовать по Минску. Но он переключил мысль на беседу с женой Овчинникова и подумал: «А ведь возможен вариант, что причина не в общем деле, а, например, могли же они на рыбалке во что-то вляпаться, – и тут же себя осёк: – Да рыбу или место с кем-то не поделили, и те вызвали из Парижа экипированную спецгруппу, как сказал Юревич, чтобы устранить конкурентов. Припять – река большая, и найти место их возможной стычки будет просто нереально, когда все фигуранты с этой стороны мертвы», – продолжал думать Кротов.

«Нет, – решил Андрей, – это не то... надо копать их совместные дела», – и набрал Куликовского:

– Павел, что у тебя?

– В деле об изнасиловании, за которое наказали Гусакова, ни Мурашко, ни Овчинников никаким боком не стоят. Да и не тот это уровень, чтобы так изошрённо убивать. Больше ничего, других совместных дел пока не нашли.

– Хорошо, я к начальнику, – уведомил Кротов, – там что-то случилось, боюсь, как бы не ещё один труп.

И положил трубку.

Добравшись до кабинета Осиповича, Кротов застенчиво постучал в дверь:

– Разрешите, товарищ полковник? Что-то случилось?

– Не надо стучаться, Кротов, – жёстко начал Осипович, – ты думаешь, я тут с любовницей что ли? Случилась, товарищ

майор, катастрофа!

И бросил на стол газету «Вечерний Минск» с заголовком на первой странице: «Судья, прокурор, милиционер – самоубийцы в погонах. Кто следующий?».

– Вот, полюбуйтесь, что пишет демократическая пресса, – не скрывая ярости, говорил полковник, – для спокойного и тихого Минска – просто сенсация.

Завтра это подхватят остальные газеты, я представляю следующие заголовки: «Клуб самоубийц» или «Возрождение „китов“ в Минске». БТ уже осадило пресс-службу МВД.

Тут у полковника зазвонил мобильник:

– Да, товарищ генерал, – рапортовал Осипович, – так точно, разбираемся... Есть ускориться... Будет сделано... Сразу доложу... Всех подключаем! – и положил трубку.

– Ты знаешь, Андрей, кто только мне не позвонил за последний час, – успокоившись и сев в своё кресло, продолжал полковник, – на ушах уже весь город. Что докладывать руководству, я не представляю. Откуда эти журналюги про всё узнали? Это же надо было сопоставить кучу фактов.

– Или кто-то им слил уже сопоставленную информацию, – вставил Кротов.

– Кто мог слить? – задумчиво спросил полковник. – Кого-то из наших я исключаю, наверное, из района какой-нибудь деятель поделился.

– Наверняка из района, – поддержал Кротов, – наши отработывают совсем другую версию, это сливал тот, кто не в

теме, а слышал звон, да понял, где он.

Дочитывая газету, майор продолжал:

– Тут только одна версия – самоубийство. Аналогию проводят с группой «китов», в которой малолеток доводили в России до самоубийства.

– Там уже давно всех повязали и посадили, – дискутировал Осипович, – какому идиоту в голову вообще могла прийти такая версия, что полковника милиции, судью и прокурора могли довести до самоубийства какие-то блогеры? Ты хоть такую версию не рассматриваешь?

– Нет, конечно, – встрепенулся Кротов, – за кого вы меня принимаете, товарищ полковник?

– За очень хорошего опера, – отвечал Осипович, – поэтому результат нужен немедленно, давай хоть что-то, пятый день заканчивается, а у нас ни одной зацепки, ни на какую версию. Что по архиву? Куликовский что-нибудь нашёл? Я ему в помощь двух оперов дал.

– Была версия, – продолжал Кротов, – судья Гусаков осудил парня за изнасилование всего на два года вместо семи. Потерпевшая сторона в негодовании, жалобы были, разборки... Судье дали взыскание, перевели из города в район, но не Мурашко, ни Овчинников там никаким боком не фигурировали, в общем, версия захлебнулась...

– Плохо, – отрезал Осипович, – а ты уверен, что это дело рук нескольких киллеров?

– Да, – уверенно сказал Кротов, – может, банда, может,

киллер с помощником, но точно не один, никак по времени не получается. Хотя никаких ниточек по этой группе пока нет, разве что зажигалка в подъезде Мурашко, я сдал её на экспертизу, вдруг там какие пальчики всплывут.

– Не всплывут, – с сожалением вставил полковник, – эксперты мне позвонили, на зажигалке отпечатки пальцев подростка, причём девочки.

«Наверное, это зажигалка той продвинутой парочки, которая практиковала этажом выше предварительные ласки», – подумал про себя Кротов, а начальнику сказал:

– Жаль, конечно.

– Я говорил с Юревичем перед твоим приходом, – сопоставляя информацию, продолжал Осипович, – он считает, что это однозначно убийства, а орудует в Минске не банда киллеров, а экипированная группа диверсантов из спецслужб другого государства. Что, в общем-то, очень близко к твоей версии. Копайте вместе, ищите зацепки, надо что-то докладывать руководству, а то нас «съедят».

– Хорошо, товарищ полковник, – отвечал Кротов, – уже работаем.

– И вот что, майор, – давал ценные указания Осипович, – встреться ты с этим журналистом, как его там?

– Преуспеваев, – вычитывая из газеты, вставил Андрей.

– Да, он первый этот бред опубликовал, значит, кто-то ему что-то слил. Встреться с ним, втолкуй, что нельзя марать бумагу отсебятиной, пугая при этом общественность. Может,

выяснишь фамилию деятеля, который ему это понарасказывал. А то бог его знает, что этот Преуспеваев завтра напишет. Это может сильно осложнить расследование, если мы вместо следственных действий будем отписками на статьи заниматься.

– Хорошо, Леонид Борисович, встречусь, втолкую. Может, ему поведать настоящую нашу рабочую версию? Чтобы всякий бред не писали.

– Ты с ума сошёл, – возмутился Осипович, – они тогда тут такую патоку разведут про синдикат киллеров в Минске и про устранение неугодных блюстителей закона, что мы на доклады каждые полчаса ходить будем, вообще не дадут работать.

– Да... наверное...

– Как же нам твою банду киллеров искать? – задумчиво говорил Осипович.

Тут опять раздался звонок, полковник жестом показал Кротову, что можно идти, и ответил в трубку:

– Да, товарищ генерал...

Андрей вышел из кабинета озадаченный тем фактом, что ведь действительно по делу абсолютно никаких зацепок.

На следующий день с утра Кротов сразу поехал в следственный комитет к Юревичу, чтобы набросать чёткий план действий. Срочно нужна была хоть какая-то ниточка, хоть какая-то зацепка.

В кабинете у следователя, вертя в руках газету «Вечерний

Минск», Кротов вопрошал:

– А вы, товарищ полковник, уже и моему начальству поведали о своей версии спецслужб?

– Не поведаешь тут, Осипович мне сразу после вчерашнего обыска набрал, злой такой был, спрашивал, в какую сторону пойдёт следствие, вот я ему и изложил свои соображения. Да, журналисты совсем распоясались, – глядя на газету в руках Кротова, говорил Юревич, – после этой публикации моё руководство и мне проходу не даёт, требует результат. А где его взять, если это действительно были спецслужбы, которые точно не оставят следов?

– Значит, нашей основной версией будут спецслужбы, – бодро сказал Андрей.

– Я знаю твою версию, майор, про группу киллеров, – ответил Юревич.

– Откуда, товарищ полковник? – якобы в недоумении подхватил Кротов. А сам подумал: «Кроме Осиповича, рассказать об этом было некому».

– Твой начальник поделился, – открыл тайну следователь, – но дело не в том, киллеры это или спецслужбы, а в том, что следов нет, а как нам на убийц выходить, я не представляю.

– Да, это будет очень трудное дело, – соглашался Андрей.

– Тогда давай набросаем план действий, – взяв ручку, сказал Юревич.

– Давайте, товарищ полковник, – доставая свою, пригото-

вился записывать Андрей.

– Послушай, майор, давай на «ты», я тебе не начальник, так будет проще общаться, – сказал следователь.

– Хорошо, – ответил Кротов. – Первое: наши опера сейчас переворачивают архив, пытаюсь найти уголовные дела, где бы участвовали в любых ролях Овчинников, Мурашко и Гусаков. Это наше основное направление поиска зацепок.

– Да, – ответил Юревич, – если такое дело будет, это сдвинет всё с мёртвой точки. Второе, что надо сделать, это озадачить участковых по месту жительства жертв опросом всех соседей с целью выявления посторонних в подъезде, причём не только в день убийств, но и за пару недель до этого. За ними могли наблюдать. Запрос ты дашь или мне написать?

– Напиши ты, – ответил Кротов, – другое ведомство, ответственнее будут исполнять. Отпечатки на зажигалке, которую я нашёл в подъезде Гусакова, ничего не дали, в базе их нет, к тому же они принадлежат девушке-подростку.

– Ясно, – поставил у себя галочку следователь.

– По Мурашко, – продолжал Кротов, – надо отдать записи с камер наблюдения в прокуратуре, откуда он вышел, и в метро, на экспертизу, может быть, там засветился кто-то из киллеров, вполне же мог убийца, обработавший прокурора, потом сам в метро спуститься, чтобы удостовериться, что жертва покончит с собой.

– Да, это правильно, может, что-то зацепится, – сказал Юревич, – у меня какая ещё мысль. Если это спецслужбы, то

явно не Австрии или Индии. Это или Штаты, или Израиль. До мотивов спецслужб США можно докапываться до скончания веков, а вот если это «Моссад», то они будут на поверхности. Все знают, как «Моссад» ликвидировал бывших нацистских преступников или арабских террористов после мюнхенской Олимпиады. Надо проверить, не были ли наши фигуранты ярыми антисемитами или, может, где-то отдыхали вместе в Израиле и там набедокурили.

– Сильно, Денис Александрович, – с одобрением сказал Андрей, – в тебе гибнет талант опера.

– По этому пункту я лучше всего сам опрошу родственников жертв, -записывая, говорил Юревич, – и сделаю запросы, куда и когда выезжали за рубеж наши жертвы. Правда, если всплывёт «Моссад», я не представляю, что будем делать.

– А я представляю, – радостно ответил Кротов, – скинем всё в КГБ, и пусть они там сами разбираются.

– Да, было бы неплохо, – одобрил следователь, – у меня ещё один геморрой из-за этих журналистов, которые в прессе изложили версию про клуб самоубийц. Надо запрос в ваш отдел кибербезопасности сделать на предмет того, на какие сайты с IP-адресов выходили потерпевшие. И всё это потом анализировать, как будто мне заняться больше нечем, как выискивать сайты самоубийц и проверять, не состояли ли там наши жертвы.

– Думаю, это будет лишняя работа, – согласился с ним Андрей.

– Конечно, лишняя, – возмутился Юревич, – но руководству виднее. Раз журналисты думают, что это самоубийства, значит, и эту версию отработать надо.

– У них же нет данных о красных глазах или запредельном количестве в крови адреналина, – в защиту журналистов бросил Кротов. – Меня Осипович вчера отправил приструнить журналиста, который первым всё разнюхал.

– И что? – спросил Юревич.

– Вот от тебя в редакцию и поеду, – ответил Кротов.

– Ладно, езжай, – кивнул следователь, – основные направления поиска определились, все запросы я дам, мелочовку доработаю. По любой информации звони мне сразу, если хоть что-то будет.

– Хорошо, ты тоже набирай, – сказал Андрей, выходя из кабинета следователя.

От следственного комитета на улице Первомайской до редакции «Вечернего Минска» на пересечении Козлова и проспекта Независимости было минут пять езды. За это время Андрей пытался обмозговать версию Юревича про «Моссад».

– Ну если бы они втроём вляпались во что-то по анти-семитской теме, проще было бы устроить международный скандал, ноты протеста и всякое там такое, чем втихаря молчать. Ведь так никто ничего может и не узнать, за что их убили, тогда толку с таких убийств никакого. Нацисты или террористы на Олимпиаде 1972 года были же известны, а эти

ничем таким вроде не «прославились». По возрасту не вязалось с 72-м годом. Овчинникову было тогда два года, Мурашко ещё не родился... Что-то не то, слишком маловероятно, что это убийства на антисемитской почве.

Кротов зашёл в редакцию, без труда нашёл кабинет журналиста Романа Преуспеваева и, не стуча, как учил начальник, зашёл. За столом сидел паренёк лет двадцати пяти, в очках, с патлатой шевелюрой, щуплого телосложения.

– Уголовный розыск, майор Кротов. Ну что, Рома, собирайся, – жёстко сказал Андрей, положив на стол журналиста наручники, – взяли банду «дельфинов», которая организовала тридцать четыре самоубийства через интернет, самые громкие из которых – Овчинников, Мурашко и Гусakov. Всех схватили, уже дают показания, говорят, ты был их идеологом.

Журналист сидел в полном недоумении, его словно паралич сковал, только немного тряслись губы. Через минуту гробовой тишины, глядя сквозь свои круглые очки, журналист выдавил:

– Я не был идеологом этой банды.

– А как же ты первым узнал про самые громкие дела банды «дельфинов»? – как на допросе продолжал Кротов. – Собирайся, поедem очные ставки делать, все на тебя показывают.

– Они лгут, – начал оттаивать журналист, – я не знаю про банду «дельфинов», про самоубийства мне сказал мой одно-

кашник из Фрунзенского РУВД, а я уже всё сопоставил и написал статью о клубе самоубийц.

– Что ты врешь? – наседал Кротов. – Фамилия однокашника!

– Терентьев, – выдавил из себя Рома.

– Проверим, – с подозрением сказал Андрей, – если не подтвердится, приду и арестую. Как надумаешь ещё хоть что-то написать про банду «дельфинов», только через меня, – и дал свою визитку. – А то наворотишь тут дел, что потом не разгребёшь. По любой информации о банде сразу звони мне, вместе будем думать, что с этим делать. Понятно?

– Конечно, понятно, – с облегчением выдохнул журналист.

Кротов взял со стола наручники и ушёл. А журналист ещё долго не мог прийти в себя, пытаясь анализировать, как он чуть не оказался в банде организаторов самоубийств.

Кротов тем временем набрал начальника Фрунзенского розыска Быкову:

– Здравствуй, Олег Владимирович, – как будто сто лет не видевшись, говорил Кротов. – Кто у тебя занимался делом прокурора вместе с Маевским?

– Привет, Андрей Андреевич, – тоже радостно ответил Быков, – Колосков и Полосович, а что такое?

– У тебя есть такой кадр – Терентьев?

– Да, есть, – подтверждал начальник розыска, – это молодой опер, конечно, он этим делом не занимался, он так, по

мелочам.

– Понятно, пришли его ко мне в министерство, разговор будет.

– Хорошо, сейчас пришло, сильно там его не нагружай, молодой он ещё, неопытный.

И Быков положил трубку.

«Молодой и неопытный, – про себя возмущался Кротов, – а расследование целой кучи опытных ставит под удар».

По пути в министерство Андрей набрал Куликовского, который в архиве переворачивал тома дел:

– Павлик, есть хоть что-нибудь? – с надеждой в голосе спрашивал Кротов.

– Ни-че-го! – растягивал Павел, – уже больше половины дел перепотрошили.

– Если будет хоть что-то, сразу звони.

Кротов шёл по коридору министерства к своему кабинету, как лоб в лоб столкнулся с Осиповичем.

– Ну что, Кротов? Что у тебя есть? – с «наездом» и одновременно с надеждой в голосе спросили шеф.

– Юревич думает, что это «Моссад», – быстро сообразив, что сказать надо хоть что-то значимое, среагировал Андрей, шокировав тем самым начальника.

– Только «Моссада» в центре Минска нам ещё не хватало, – схватился за голову Осипович, – а что у него на «Моссад» есть?

– Пока ничего, – объяснял Кротов, – просто почерк их.

– Где-то в мире были похожие самоубийства? – с надеждой в голосе спросил Осипович.

– Пока таких фактов нет, но мы работаем над этим, – бодро говорил Андрей.

– Думает, к делу не пришьёшь, – недовольно говорил начальник, – но версия хорошая, тогда мы это дело в КГБ передадим, и пусть они сами там с «Моссадом» разбираются. А сам ты что думаешь?

– А я думаю, что «Моссад» тут ни при чём, – задумчиво проговорил Кротов, – если бы тут была антисемитская тема, Израилю гораздо выгоднее международный скандал, чтобы наши дипломаты оправдывались и извинялись, чем мочить таинственным образом этих трёх человек. Хотя неизвестны обстоятельства того дела, за которое их могли убить.

– Вот именно, майор, – опять недовольно говорил полковник, – ничего не известно, копай, Кротов, копай быстрее. Ты с журналистом разобрался? Кто ему слил информацию, узнал? Уволим из органов к чёртовой матери.

– С журналистом разобрался, – уверенно ответил Андрей, – не колется, гад, говорит, журналистская тайна, источник информации не выдаст под угрозой расстрела. Но пообещал, что без нашего ведома больше ничего писать на эту тему не будет.

– Откуда они такие прыткие берутся? – продолжал возмущаться Осипович.

– Поначитаются западных СМИ о гласности и ведут себя

потом нагло, – жаловался Кротов.

– Ладно, Андрей, накопи́й срочно хоть что-нибудь по этому делу, – уходя, дал наказ начальник.

Кротов пошёл в свой кабинет, напарника не было, он трудился не покладая рук в архиве. И можно было спокойно суммировать все факты по этому делу. Хотя как таковых фактов не было. Только догадки и предположения. «Почерк „Моссада“» – да это мог быть почерк кого угодно, – думал Андрей. Хотя проверить западные, да и русскоязычные СМИ на этот счёт не помешало бы, может где-то кто-то так уже «самоубивался». Вдруг, запросы Юревича что-то дадут, хотя вряд ли спецслужбы оставили какие-то следы.

Тут в кабинет постучали:

– Разрешите войти, – в кабинет зашёл молодой паренёк, – лейтенант Терентьев.

– Ой, заходи Терентьев, – вздыхая, сказал Кротов, – как зовут тебя, Терентьев?

– Саша, – уверенно ответил опер из Фрунзенского.

– Послушай, Саша, – недовольным тоном продолжал Кротов, – я расследую очень громкое дело, сам знаешь какое, над делом работает целая команда: полковник Осипович, полковник Юревич из следственного комитета и ещё куча наших оперов, включая фрунзенских, эксперты, участковые, отдел кибербезопасности и т. д... И все мы вынуждены терять время, доказывая руководству несостоятельность версии самоубийства только лишь по той причине, что опер Те-

рентьев из Фрунзенского РУВД поведал однокласснику журналисту Роме свои домыслы по этому делу. Замечу, – очень недовольно продолжал Кротов, – который вообще не участвует в расследовании. И вот что мне со всем этим, опер Саша, делать?

Терентьев покраснел, как кленовый лист осенью, потупил глаза и невнятно начал отвечать:

– Я ему только про факт самоубийств сказал... по дружбе... я подробностей и сам не знал...

– Ясно всё с тобой, Терентьев, – подытожил Кротов, – езжай уже в свой отдел и, прежде чем кому-то что-то говорить, подумай десять раз, а то не быть тебе опером.

– Я всё понял, – уже бодрее сказал Саша и вышел из кабинета.

«Уволил бы Осипович начинающего пинкертон за пять минут, не спросив даже, как его зовут, – думал Андрей. – Этот-то, понятно, без злого умысла, по неопытности поделился с другом информацией. Кому будет легче, если карьера Саши прервётся, толком не начавшись? Бог с ним, с Терентьевым, – продолжал думать Кротов. – Как же проверить иностранные СМИ на предмет похожих самоубийств? Языками я не владею, что в поисковике запрашивать, непонятно, да и „Яндекс переводчик“ статьи так переведёт, что не разобрать будет, в любом случае это отнимет кучу времени, а Осипович людей на проверку такой информации не даст».

Тут Кротова осенило, и на следующее утро он вызвал к се-

бе журналиста Преуспеваева с решимостью повесить на его хрупкие плечи отработку этой не очень перспективной версии, на которую уйдёт не одна неделя.

Глава 4

Банда Зелёного

На следующий день, как и было назначено, к Кротову в 09:00 пришёл журналист Роман Преуспеваев.

– Присаживайся, Роман, – вздыхая, произнёс майор.

Выдержав дежурную паузу, Андрей продолжил:

– Банду «дельфинов» мы взяли, – чуть сдерживая смех, но с виду вполне серьёзно говорил Кротов, – тебя мы вроде отбили, они стали сомневаться в твоём участии как идеолога. Ты же честный журналист и к банде отношения не имеешь?

– Да я вообще эту банду не знаю, – оправдывался журналист, – а они действительно довели до самоубийства тридцать четыре человека?

– Думаю, даже больше, – еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться, ответил Андрей, – но вот в чём беда, не обо всём они, собаки, колются. Есть информация, что на Западе от их рук тоже много пострадало. Нужна будет твоя помощь следствию, ты готов?

– Конечно, готов, – как пионер, ответил Рома, – а что я-то могу?

– Ты же языками владеешь? – утвердительно спросил Кротов.

– Да, владею. Вы, наверное, про меня уже всё выведали, –

«раскусил» Роман майора милиции. – Я знаю английский, французский и испанский.

– Конечно, мы всё разузнали, – придавая себе важный вид, сказал Андрей, – мы же опера. Так вот, надо пробить все западные, а заодно и русскоязычные СМИ на предмет похожих самоубийств. Сможешь?

– Смогу, – с готовностью помочь ответил журналист, – а что значит похожих, у банды «дельфинов» есть свой почерк?

– Вот здесь мы и подошли к самому главному, – продолжал Андрей.

А сам думал: «Как бы эта его инициатива не вышла боком. Если этот парень что-то напишет в своей газетке про особенности самоубийств, кипишь будет конкретный».

Но версию надо было обязательно проверить, а сам Кротов этого не потянул бы. И он продолжил:

– Раз ты и так замешан в этом деле, я сообщу тебе кое-какие подробности, но запомни и заруби себе на носу: эту информацию ты под угрозой пыток никому не сообщишь и тем более ни о чём таком до конца расследования не напишешь. Расписку о неразглашении следственной тайны подписывай сейчас.

И достал из стола готовый бланк.

– Вот заполни, – протягивая бумагу, сказал Кротов журналисту.

Тот взял ручку и начал заполнять. А Андрей в это время продолжал:

– В этих самоубийствах есть две особенности: первая – у погибших красные белки глаз, полопались сосуды, – и положил на стол фото глаз погибшего судьи, а вторая – превышение в крови адреналина в десять раз.

Роман дозаполнил бланк о неразглашении и смотрел на фото, а майор продолжал:

– Надо проштудировать прессу за последние лет пять по всем самоубийствам. Если будут похожие, отсортировать, а мы проверим их на причастность к банде «дельфинов». Но запомни ещё раз, если эти факты где-нибудь всплывут, сядешь как соучастник банды. И вообще, выражение «банда „дельфинов“» забудь навсегда, эта информация засекречена.

– Хорошо, я всё понял, – озадаченно ответил Преуспеваев.

– Когда расследование будет закончено, с разрешения нашего руководства мы дадим тебе полную информацию и у тебя будет возможность сделать эксклюзивный материал, – освещал перспективы Кротов, – а сейчас ты в следственной группе, и никто об этом знать не должен.

– Никто и не узнает, – решительно сказал журналист и вышел из кабинета Кротова.

Через три часа Андрею надо идти на доклад к Осиповичу, но докладывать нечего. Ищем, отрабатываем, копаем, в деле зацепок ноль. А ведь прошла уже ровно неделя с момента кровавого утра четверга. И тут зазвонил мобильник, это был Куликовский:

– Андрюха, нашёл, я нашёл общее дело, – радостно кричал в трубку Павел.

– Ну слава богу, – с огромным облегчением выдохнул Андрей, – что там?

– Помнишь дело Зеленко Игната и его банды? Лет пять назад суды закончились... – оживлённо протараторил Куликовский.

– Помню! – подтвердил Андрей, – грабежи, убийства, рейдерские захваты, там человек двадцать посадили.

– Так вот, три наши жертвы активно участвовали в этом деле.

– Отлично, – смаковал Кротов, – это то что надо, бери дело и приезжай в наш кабинет, будем смотреть. Через три часа надо быть у Осиповича с докладом, вот и доложим, – радостно продолжал Андрей. – А оперов с районов оставь в архиве на всякий случай, пусть все дела до конца просмотрят.

– Хорошо, скоро буду, – ответил Павел, а потом озадаченно спросил: – А где грузовичок-то взять? Тут более ста томов...

– Впихни как-нибудь в свой легковичок, – не замечая проблемы, радовался Кротов, – и быстрее сюда.

Положив трубку, Андрей тут же набрал Юревича и сообщил хорошую новость. Денис, конечно же, все дела отложил, перекинув допросы, вызванных в комитет родственников, на плечи стажёра. И через полчаса Кротов, Куликовский и Юревич сидели в кабинете МВД и вчитывались в дело бан-

ды Зелёного, как окрестила её пресса ещё 8 лет назад, когда брали первых фигурантов.

Состав преступлений был ужасный, особенно для спокойного Минска. Около десяти доказанных заказных убийств бизнесменов и чиновников, не захотевших делиться с бандой или отдавать им государственную собственность. Рейдерские захваты как частных компаний, так и государственных предприятий. Вымогательства и крышевание. За всю историю криминала в Минске это была, наверное, одна из самых больших ОПГ.

В материалах дела действительно самое непосредственное и активное участие принимали все три жертвы, каждая со своей стороны. Естественно, они тесно общались, особенно будучи хорошо знакомы. Практически бессменным гособвинителем в судах был Андрей Ефимович Мурашко. А все основные приговоры выносил Гусаков Семён Олегович. Овчинников же, в то время начальник Фрунзенского розыска, сам выезжал на все задержания, проводил допросы, очные ставки и т. д., всё дело пестрило его подписями. Из этого можно было сделать вывод, что в нейтрализации банды основная заслуга и главная роль принадлежит нашей троице: Гусакову, Мурашко и Овчинникову.

Через два часа все сидели в кабинете Осиповича и обобщали материалы дела. Первым начал Кротов:

– Банда очень серьёзная, по материалам дела проходят двадцать три человека, взяли двадцать одного, двое исчезли

прямо перед задержаниями, их так до сих пор и не нашли. Это бывший самбист Егор Витальевич Пивоваров, крепкий спортсмен, его роль в банде была небольшая: дать в морду, запугать, реже проследить за кем-нибудь, да и то с этой функцией у него было не очень. Одним словом, не интеллектualan. Он ускользнул случайно в момент задержания, и до сих пор о нём никто ничего не слышал. На роль возможного заказчика он никак не тянет, да и изошрённого киллера тоже, этот бы встретил жертву в подъезде и свернул шею, а не изобретал фантастическую технику убийства, хотя, если он завладел чудо-прибором, теоретически мог быть нашим убийцей или помощником.

– Второй ушедший от правосудия, – взял слово Юревич, – на роль заказчика вполне тянет. Это Максим Андреевич Синявский, финраспорядитель банды, в планировании убийств или отъёме собственности он участия не принимал, его делом были финансы: перевод в офшоры награбленного, оформление собственности через подставных, легализация преступных доходов и т. д. Преступные деньги так спрятал, что нашли только половину.

– Значит, нанять группу высококлассных киллеров ему было на что, – сделал вывод Осипович.

– Конечно, – ответил Юревич и продолжил: – Он исчез за несколько дней до того, как начали брать первых фигурантов, причём так исчез, что ни Зелёный, ни остальная верхушка банды не знала, где он, это чётко видно из материалов де-

ла. Тогда уже на всех висела и прослушка, и семёрка, бандиты сами искали Синявского. Но совершенно безрезультатно. Как в воду канул. Так что отомстить за подельников он мог легко. А больше, собственно говоря, и некому.

– Да, больше некому, – начал доклад своей части материалов дела Куликовский, – из оставшихся бандитов четверых убили при задержании, остальных осудили. Минимальные сроки – по двенадцать лет – получили трое, остальные больше. На сегодняшний день все сидят, ещё никто не вышел. Но это всё боевики, пушечное мясо. Что касается руководства банды, главарь Игнат Зеленко получил высшую меру наказания, и через год был расстрелян. Его правая рука — Юрий Сергеевич Лешкевич – тоже расстрелян по приговору суда примерно в это же время. Приведены к исполнению и приговоры о смертной казни в отношении Гуськова по кличке Гуся и Макарова по кличке Инквизитор, штатного киллера банды и его помощника соответственно, когда жертву надо было пытать.

– Кого же там не расстреляли? – перебил Осипович.

– А не расстреляли в этом деле, – вчитываясь в документы, продолжал Павел, – вторую правую руку Зелёного, или скорее, наверное, левую: Фёдора Степановича Громыхалина по кличке Громыко – он не участвовал непосредственно в убийствах и вообще был сторонником убеждения, а не принуждения, всегда пытался добиться от потерпевшего нужного действия путём переговоров, отсюда и такая кличка, как

фамилия министра иностранных дел СССР. Так как он был противником жёстких методов, ему дали двадцать пять лет строгого режима вместо расстрела. Громыхалин, получается, единственный из верхушки банды, кто не расстрелян и не в бегах. Только Громыко и сможет рассказать о руководстве банды, так как ещё двое фигурантов, которые были вхожи в верхние её круги, убиты при задержании как оказавшие вооружённое сопротивление. С остальными оставшимися в живых там и беседовать не о чем, их вряд ли кто-то во что-то посвящал.

– Беседовать надо со всеми, – вставил Осипович, – надо отработать всех оставшихся в живых этой банды. А также родственников расстрелянной верхушки, они же тоже могли заказать прокурора, судью и нашего коллегу.

– Безусловно, – сказал Кротов, – но картина вырисовывается однозначная.

– Согласен, – ответил Осипович, – картина действительно прояснилась. В роли заказчика кого-то более подходящего, чем Синявский, трудно представить: мотив железный – месть. Денег уйма – половину награбленного так и не нашли, значит, мог нанять высокооплачиваемых профессионалов из какого-нибудь синдиката киллеров, как говорил Андрей, – и посмотрел на Кротова, – у этого есть и связи, и возможности, а самое главное, он-то на свободе и руки у него полностью развязаны. Надо, Андрей, разыскать этого Синявского, хоть из под земли достать. Даже если его целых восемь лет никто

найти не может.

– Сделаем всё возможное, – уверенно ответил Кротов.

– Да, похоже, моя версия по участию «Моссада», да и вообще спецслужб, начинает захлёбываться, – не без энтузиазма заметил Юревич, – зато расследование сдвинулось с мёртвой точки. Только где и как мы будем искать Синявского, мне даже трудно вообразить.

– Кротов найдёт, – с надеждой в голосе сказал Осипович, поглядывая искоса на Андрея, – живого или мёртвого, но найдёт.

– Уж лучше живого, – советовал Куликовский, – а то дело мы не раскроем.

– Подытожим, – громко сказал начальник, – Андрей, на тебе Громько, только от него из оставшихся членов банды ниточка может привести к Синявскому, крути-верти его как хочешь, но подельника он должен сдать. Павел, отработай всех остальных «сидельцев» банды, любая информация, любая мелочь – важно всё. Денис Александрович, на тебе родственники банды, вызывай, крути, любые подозрения – оперативникам на стол. Всё надо отработать, на всех подозрительных организуем прослушку и наружку. А я к руководству, докладывать есть что: и версия, и ниточка. Вот можете же работать, когда захотите. Все допуски к членам банды завтра с утра будут готовы.

Оперативники и следователь вышли из кабинета Осиповича. Юревич направился в следственный комитет, где его

стажёр должен был опросить родственников на предмет антисемитизма, а Куликовский с Кротовым пошли в свой кабинет ещё раз просмотреть дело перед визитом к членам банды Зелёного.

В пятницу утром Денис позвонил Кротову:

– Привет, Андрей! По вчерашним допросам родственников ничего. Никто из них антисемитизмом не «страдал», и вместе они ни в какой стране мира не отдыхали. Они вообще вместе были только на рыбалке. Так что, похоже, моя версия по «Моссаду» окончательно не распалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.